

которую полагают в 150000 и более, под главным начальством князя Ивана Бельского. Саип-Гирей испугался и, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирей, убежал в Крым, обещая Казанцам возвратиться с войском турецким». На этот раз дело дошло до осады самой Казани. «Под защитою конницы, сдерживавшей натиск казанской конницы, осадные машины были придвинуты к стенам, казанцы отстреливались, но скоро они потеряли своего пушечного мастера, который один только и был в городе. Это обстоятельство заставило их просить мира с обязательством отправить в Москву послов с челобитьем.» Воевода Бельский согласился, так как в его войске начался голод, снял осаду, и взятие Казани, уже почти совсем подготовленное, было сорвано.¹

Неудача казанского дела естественно могла вызвать недоброе чувство по отношению к тому, кто так решительно настаивал на необходимости взять Казань. Психологическая почва для обвинений была готова. И мы не удивимся, когда прочтем: «Да вы же говорили: ратуеть князь великий Казань, да нѣколи ему будетъ и соромъ Турскому ему не молчати»² (т. е. ратует великий князь Казань, да его не будет и турецкий царь срама не потерпит).³ Но в то же время приписанное Максиму Греку скептическое отношение к возможности успеха в казанском деле находится в решительном противоречии со всем смыслом изученного послания. Такова же и приписанная Максиму Греку насмешка над великим князем Васильем, будто он выдал землю крымскому царю и проявил трусость в отношении к турецкому султану. Из послания мы знакомимся с подлинными взглядами Максима на крымское поражение 1521 г. Неудача, по его мнению, могла произойти от разных причин: или так суждено было богом, или от нашей медлительности, или от лености и неискусства воевод, — или «нѣкоимъ иным нестроениемъ»⁴: о том ведает бог, который все ведет к нашему исправлению. И Максим решительно ободряет великого князя по поводу пережитого. Твердое убеждение в необходимости неустанной борьбы с неверными, с агарянами, под которыми разумелись татары и турки, осталось у Максима Грека неизменным на всю жизнь. В «Словѣ, пространнѣ излагающемъ съ жалостію нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія», он

¹ С. Соловьев. История России, т. V, стр. 388—391.

² «Списокъ съ суднаго списка. Прѣіе Данила, митрополита Московского и всеа Руси съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ». Чтения в Общ. Истории и древн. росс. 1847 г., № 7, стр. 5.

³ Переложение В. С. Иконникова. — Максим Грек и его время, стр. 465, изд. 2-е, Киев, 1915 г.

⁴ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, ф. XVII, № 13, л. 76.